

Византийский временник

Том 31

**Москва
«Книга по Требованию»**

В42 Византийский временник: Том 31 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 332 с.

ISBN 978-5-458-61339-2

Винкельман Ф. «Церковная история» Никифора Каллиста Ксанфопула как исторический источник. Пер. с нем. Н. Семпер. Винкельман Ф. Ленинградский фрагмент Жития Митрофана. Голейзовский Н. К. Заметки о Дионисии. Гранстрем Е. Э. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 7: Рукописи XV в. Гранстрем Е. Э. Новые издания двух ценных справочников. Заборов М. А. Известия русских современников о крестовых походах. Каждан А. П. Византийский монастырь XI–XII вв. как социальная группа. Копыленко М. М. О языке славянского перевода «Жития Нифонта»: (Глагольно-именные фразеологизмы). Кропоткин В. В. Византийская чаша из Крылосского клада VII в. Курбатов Г. Л. Из истории научных связей русской византистики: (В. Г. Васильевский в Германии). Литаврин Г. Г. Византийский медицинский трактат XI–XIV вв. (по рукописи Cod. Plut. VII, 19 Библиотеки Лоренцо Медичи во Флоренции). Введение, перевод: [= Byzantine medical treatises of the 11th–14th centuries.]. Лихачева В. Д. Взаимодействие иконографического канона и художественного стиля в палеологовской живописи Византии. Любарский Яков Николаевич. О жанровой и композиционной специфике «Хронографии» Михаила Пселла. Полякова С. В. Из истории греческого романа в Византии: («Эфиопика» Гелиодора в толкованиях Филиппа Философа и Иоанна Евгеника). Пуцко В. Г. Два фрагмента константинопольских лицевых рукописей третьей четверти XI в. из собрания ГПБ (греч. 334 и 373). Самодурова З. Г. Анонимная византийская хроника в списке XV в. из греческой рукописи собрания ГИМ. Тонберг М. Ф. Греческие рукописи библиотеки им. М. Горького Ленинградского ордена Ленина Государственного университета им. А. А. Жданова. Удальцова З. В. Мировоззрение Прокопия Кесарийского. Урушадзе А. В. О статье В. А. Арутюновой «К вопросу об ἄνθρωποι в «Типике» Григория Пакуриана». Фихман И. Ф. Ленинградская межинститутская византийская группа: [Хроника деятельности]. Фонкич Б. Л. О рукописи «Стратегикона» Кекавмена. Червяков А. Ф. Ставротика XII века из Архангельского краеведческого музея. Чичуров И. С. Новые рукописные сведения о византийском образовании: [= Neue handschriftliche Nachrichten über die Bildung in Byzanz]. Щапов Я. Н. Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси в середине XI в. Марксистско-ленинское учение и очередные задачи советского византиноведения. [Передовая статья]. Нина Викторовна Пигулевская: Некролог. Ред. коллегия.

ISBN 978-5-458-61339-2

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

в современной мировой историографии вопросов, как: типология феодализма, взаимоотношения города и деревни, особенности развития государства в связи с коренной эволюцией социальной стратиграфии общества; характер классовой борьбы на различных этапах истории Византии, значение культуры и идеологии в общественной и социальной жизни страны, степень преемственности элементов старого общественного строя при смене формаций, а также при взаимодействии двух или нескольких одновременно существующих, но разных по социальной и государственной структуре обществ.

Обращаясь к решению этих и других важных проблем современного византиноведения, советские византилисты руководствуются марксистско-ленинской методологией, строго оценивая место и значение новых фактов, накопленных наукой, и творчески подходя к теоретическому обобщению их на новом этапе научного познания. «Мы, — говорил В. И. Ленин о русских марксистах, — не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты должны двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни»¹.

Не прекращая исследований, посвященных социально-экономической истории Византийского государства (в области которой марксистское византиноведение в прошлом достигло особенно больших успехов), и признавая их определяющее значение, советские византилисты в настоящее время выдвигают вместе с тем задачу целостного охвата всего хода исторического развития Византии, во всех его проявлениях, т. е., говоря словами В. И. Ленина, задачу изучения истории «как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости процесса»².

Преимущественное исследование базиса феодального византийского общества советские византилисты сочетают с изучением внутривосточной истории империи, а также ее государственной структуры, общественной мысли, идеологии и культуры, т. е. с рассмотрением падстроечных явлений, находящихся в непрерывном и взаимообуславливающем взаимодействии с базисом.

Только изучив византийскую историю на каждом ее этапе как «живой организм в его функционировании и развитии»³, можно действительно научно и достаточно точно ответить на вопрос о типе византийского феодального общества и тем самым внести вклад в решение общетеоретической проблемы типологии феодализма, которой уделяется столь большое внимание в современной историографии.

Именно такой подход способен привести к успеху, ибо, как говорил В. И. Ленин, «весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь а) исторически; б) лишь в связи с другими; γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»⁴.

Вопрос о социальной структуре Византийского государства, его классовой природе и эволюции еще не ставился в полном объеме в советской историографии. Между тем эта проблема требует самого пристального внимания историков-марксистов. «Едва ли найдется другой вопрос, — говорил В. И. Ленин, — столь запутанный умышленно и неумышленно представителями буржуазной науки, философии, юриспруденции, политической экономии и публицистики, как вопрос о государстве»⁵. Именно так и обстоит дело в современной буржуазной византиноведческой лите-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 184.

² Там же, 21, стр. 41.

³ Там же, т. 1, стр. 166.

⁴ Там же, т. 49, стр. 329.

⁵ Там же, т. 29, стр. 434—435.

ратуре, где Византийское государство характеризуется как непосредственное продолжение Поздне-Римского, причем принципиально от него не отличавшееся даже многие столетия спустя после гибели Западной Римской империи и образования феодальных монархий Запада. Этот тезис, кстати говоря, является одним из основных аргументов, выдвигаемых против марксистской концепции феодальной природы византийского средневекового общества.

С враждебных марксистской методологии позиций рассматриваются в буржуазном византиноведении и другие аспекты проблемы Византийского государства: отрицается его классовая сущность, централизация и экспансионизм порой ассоциируются с прочностью государственного строя, народные движения против централизованного гнета представляются в лучшем случае как «бунты черни», вопрос об их социальной природе даже не поднимается и т. д.

Марксистско-ленинское учение о классовой природе любого государства, существующего в условиях антагонистического общества, является исходным пунктом в исследовании проблемы Византийского государства во все периоды его истории.

В области изучения византийской идеологии и культуры особую активность развивают представители современной буржуазной науки. При этом они проявляют ярко выраженную тенденцию рассматривать религиозную по преимуществу византийскую идеологию в отрыве от породившей ее действительности, сводя ее основное содержание лишь к вопросам богословия и схоластики. Богатейшее наследие византийской литературы объявляется лишенным социального звучания, далеким от борьбы мнений и течений современной ей эпохи, чуждым важным политическим и социальным проблемам.

Советские византилисты, занимаясь широким комплексным изучением культуры и идеологии Византии, четко различают два аспекта этой важной проблемы. С одной стороны, они ясно отдают себе отчет в том, что духовная жизнь общества определяется ее общественными, классовыми отношениями, а это, по словам К. Маркса, «значит, что тот класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу общества, есть в то же время и его господствующая *духовная* сила. Класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчиненными господствующему классу»⁶.

С другой стороны, вскрывая классовую сущность тех или иных проявлений византийской духовной культуры, исследователи-марксисты объективно оценивают их прогрессивное значение в развитии культуры как самой Византии, так и европейского средневековья вообще. Немало шедевров византийского гения вошли в сокровищницу мировой цивилизации, овладение богатствами которой В. И. Ленин считал обязательным условием для создания новой, пролетарской культуры⁷.

В расколотом на классы и сословия византийском обществе на всем протяжении его истории шла напряженная социальная и классовая борьба, проявлявшаяся в острых столкновениях враждебных идеологических течений, как бы ни были причудливы средневековые формы их выражения. Этой идейной борьбы, в частности, не была чужда ни открытая, ни тайная (апокрифическая) византийская литература. Задача советских византистов состоит в кропотливом и внимательном восстановлении важнейших элементов идеологии угнетенного населения византийского города и деревни, в пристальном исследовании многочисленных ерети-

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 45, 46.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 259, 262.

ческих учений, которые неоднократно приводили к широким народным движениям в Византии против классового и социального гнета.

Наконец, в тесной связи с изучением проблемы идеологии и культуры Византии находится и выявление размеров византийского влияния на Древнюю Русь, народы Кавказа и славян Балканского полуострова. В современной буржуазной историографии исследование этой проблематики ведется нередко в откровенно тенденциозном, далеком от науки плане. Идеологическая борьба в области византиноведения бывает порой на этом участке особенно острой, и долгом советских византинистов является глубокое и неустанное изучение всего комплекса вопросов, относящихся к этой проблеме.

Советское византиноведение вступает в следующий этап своего развития, который должен подготовить почву для новых теоретических обобщений, соответствующих общему прогрессу марксистско-ленинской науки об обществе. Начало этого этапа характеризуется следующими основными чертами: советские византилисты переходят к решению новых, ранее не ставившихся проблем; применяя новые методы комплексного исследования, они критически пересматривают некоторые устаревшие теории и концепции; в сферу их внимания включается вся сумма накопленного на сегодняшний день фактического материала, имеющего отношение ко всем сторонам жизни изучаемого ими общества.

Разрабатывая названные выше и другие проблемы византиноведения, советские византилисты и впредь будут твердо стоять на ленинской позиции партийности в науке, «не поступаясь цельностью и определенностью миросозерцания», к чему призывал В. И. Ленин, видевший в этом неприменный долг ученого-марксиста ⁸.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 559, прим. 1.

З. В. УДАЛЬЦОВА

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ПРОКОПИЯ КЕСАРИЙСКОГО

Наиболее выдающимся византийским историком VI в., бесспорно, является Прокопий Кесарийский. В научной литературе Прокопию повезло: без преувеличения можно сказать, что ни об одном из византийских авторов раннего периода не было столько написано, как о Прокопии¹. Был проведен детальный текстологический анализ всех произведений Прокопия, и недавно увидело свет новое критическое издание его трудов². Много раз подвергалась проверке достоверность исторических сообщений Прокопия, особенно его отдельных экскурсов, посвященных различным народам и странам³.

Поистине неисчерпаема научная литература, касающаяся анализа топонимических, географических, демографических и просопографических данных Прокопия. Да это и не удивительно, ибо сочинения Прокопия, особенно его «Трактат о постройках» и «История войн Юстиниана с персами, вандалами и готами», действительно являются своего рода этно-географической энциклопедией VI века⁴. Многообразные сведения Прокопия о природе и населении, городах и торговых путях, гражданских и оборонительных сооружениях, языке, нравах и обычаях жителей как самой Византии, так и соседних с ней стран в равной мере интересовали историков и археологов, этнографов и лингвистов. При этом многие сообщения Прокопия выдержали самую строгую проверку на точность⁵.

¹ G. Moravcsik. *Byzantinoturcica*, I. Berlin, 1958, S. 496—500.

² *Procopii Caesariensis Opera omnia, recognovit J. Haury, editio stereotypa correctior, addenda et corrigenda adiecit Gerhard Wirth, vol. I—IV. Lipsiae, 1963—1964; G. Wirth. Mutmassungen zum Text von Procop's Gotenkrieg. — «Helikon», IV, № 1—4, 1964; V, № 2—4, 1965.*

³ Из новейших работ следует указать: R. Benedicty. *Procopios' Berichte über die Slavische Vorzeit. Beiträge zur historiographischen Methode des Prokopios von Kaisareia. — «Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft», XIV, 1965, S. 51—78; idem. Die auf die Frühslavische Gesellschaft bezügliche Byzantinische Terminologie. — «Actes du XII Congrès International d'Études Byzantines», II. Beograd, 1964, S. 45—55; P. Бенедикти. Экскурсы о Фуле у Прокопия Кесарийского (К вопросу об архаизации при этнографических описаниях в византийской литературе.) — ВВ, XXIV, 1964, стр. 49—57.*

⁴ J. Haury. *Zur Beurteilung des Geschichtsschreibers Prokopios von Kaisareia. München, 1896; G. Solyer. Procopius von Caesarea. — ВЗ, 44, 1951; B. Rubin. Procopios von Kaisareia, eine Zentralgestalt der östromischen Geschichtsschreibung. — «Forschungen und Fortschritte», 29, 1955; idem. Procopios von Kaisareia. Stuttgart, 1954.*

⁵ В последние годы дебатруется вопрос об историографическом методе Прокопия и способе использования им античных авторов: P. Бенедикти. Взятие Рима Аларихом (К вопросу об историографическом методе Прокопия Кесарийского). — ВВ, XX, 1961, стр. 23—31; R. Benedicty. *Die Milieu-Theorie bei Procop von Kaisareia. — ВЗ, 55, 1962, S. 1—10.*

Длительное время со страниц византиноведческой литературы не сходили споры о «Тайной истории» Прокопия. И хотя пыле подлинность этого сочинения и принадлежность его Прокопию не вызывают сомнений, однако дискуссии об общей оценке этого труда не затихают по сей день.

Не меньший интерес продолжает вызывать и мировоззрение⁶ Прокопия. Немало было сделано попыток объяснить противоречивость политической позиции автора в его официальных трудах и в «Тайной истории». Особо рассматривался вопрос о философских и религиозных взглядах Прокопия⁷. В новейшей литературе некоторые ученые отходят от общепринятой ранее точки зрения, согласно которой Прокопий был далек от христианской религии, являясь чуть ли не тайным приверженцем язычества; теперь Прокопий все более и более «христианизируется», доказывается его полная лояльность в отношении официального вероучения⁸.

К сожалению, до сих пор недостаточно освещен вопрос о социальных корнях и политической направленности мировоззрения Прокопия⁹. Спорность и противоречивость оценки его мировоззрения в науке дают право вновь вернуться к этому вопросу.

Незаурядный политический деятель и искусный дипломат, занимавший высокие посты в византийской администрации, Прокопий был человеком, обладавшим педюжинным литературным талантом, широким для своего времени научным кругозором и большой любознательностью. Куда бы ни забрасывала его судьба, какие бы отдаленные страны он ни посещал, всюду он жадно смотрел на окружающее, а главное — понимал, беседовал с очевидцами, старался все запомнить и узнать. Пытливый ум и зоркая наблюдательность помогли Прокопию собрать ценнейший исторический материал о своей эпохе, описать многие важнейшие события, свидетелем, а зачастую и участником которых он был. Его полная тревога и дальних походов жизнь сама давала обильную пищу для исторических наблюдений и сопоставлений.

Сведения о жизни Прокопия мы черпаем как из его собственных трудов, так и из произведений других современных ему и более поздних писателей. Прокопий родился в Кесарии Палестинской в конце V или в самом начале VI в. (вероятнее всего, между 490 и 507 гг.)¹⁰. Он происходил из знатной, достаточно состоятельной семьи и получил превосходное образование. Позднейшие писатели называют его ритором (ῥήτορ) и софистом (σοφιστής), подчеркивая тем самым, что он обладал основательными знаниями по риторике и философии. Много занимался Прокопий и юриспруденцией, высоко ценившейся в его время. Познания в юриспруденции открыли ему дорогу к придворной и дипломатической карьере. Прокопий сам рассказывает о том, как он поднимался по служебной лестнице. Еще молодым человеком в 527 г. он стал секретарем (σύμβουλος) известного полководца Велисария, а во время африканского похода получил уже звание советника по юридическим делам (πρόεδρος) своего прославленного патрона. Поток жизни захватывает и уносит Прокопия в самую гущу политической борьбы его времени: походы против персов, экспе-

⁶ O. Veh. Zur Geschichtsschreibung und Weltauffassung des Procop von Caesarea, I—III (Bayreuth, Gymn. Progr., 1950/51; 1951/52; 1952/53). Bayreuth, 1951—1953.

⁷ G. Downey. Paganism and Christianity in Procopius. — «Church History», 18, 1949, p. 89—102.

⁸ Averil M. Cameron. The «Scepticism» of Procopius. — «Historia», 15, 1966, p. 466—482.

⁹ См. Б. Панченко. О «Тайной истории» Прокопия. — ВВ, 2, 1895, стр. 24—57; 340—371; 3, 1896, стр. 96—117; 300—316; 460—527; 4, 1897, 402—451; З. В. Удальцова. Вступит. статья к кл.: Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, стр. 3—60.

¹⁰ G. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, S. 489. Там же (S. 496—500) см. обширную литературу о Прокопии.

диции в Северную Африку и Италию — калейдоскоп лиц, событий, стран и народов проходит перед взорами будущего историка.

Трудно сказать, когда именно в тревогах военной и суете придворной жизни, среди политических интриг и борьбы за карьеру, в душе советника Велисария окрепло желание описать виденное, сохранив в памяти потомков. Скорее всего, уже в эти годы, в перерывах между сражениями и дипломатическими переговорами, в походных палатках и на бивуаках далеких стран, Прокопий вел дневник, куда записывал свои впечатления, беседы с очевидцами, характеристики выдающихся деятелей и полководцев, с которыми встречался.

Он интересовался всем: природой и диковинными животными стран, куда забрасывала его судьба, бытом и культурой народов, встречавшихся на его пути, преданиями и легендами, рассказываемыми при свете походных костров. Но особенно интересовали его тайные пружины политических драм, разыгрывавшихся в различных областях империи, секреты дипломатических переговоров, заговоры, которые плелись при дворах варварских правителей и в константинопольском дворце. Доверие и высокое покровительство Велисария открывали ему доступ ко многим скрытым от посторонних глаз документам. Не менее сведущ он был и в военных делах, хотя сам, видимо, не имел вкуса к военным подвигам. Отдавая дань уважения древности, Прокопий всем своим существом тяготел к современности и хотел именно современные события донести во всей полноте до будущих поколений.

К осуществлению своего замысла Прокопий приступил между 543 и 545 гг., когда начал писать «Историю войн Юстиниана». В 550 г. историческое сочинение Прокопия в его первой редакции уже увидело свет¹¹.

Оно принесло Прокопию признание читателей и одобрение двора. Однако слава не могла заглушить в душе Прокопия глубокой неудовлетворенности. Он остро ощущал лживость официальной концепции, проводимой в этом труде. Он знал, сколько раз приходилось ему кривить душой, скрывая или искажая истинные причины событий, приукрашивая деятельность сильных мира сего, и в первую очередь самого Юстиниана и его полководца Велисария. Все сильнее зрело решение написать такое сочинение, где бы можно было все тайное сделать явным. Плодом этих глубоких раздумий, борения острых политических и личных страстей, партийных симпатий и антипатий явилась «Тайная история» Прокопия, произведение поистине единственное в своем роде в византийской историографии¹². Написанная в том же 550 г. «Тайная история» как бы собрала в единый, туго сплетенный клубок все тайные наблюдения автора, весь его трудный жизненный опыт, с предельной откровенностью обнажила его политические настроения, его жизненное кредо¹³.

Но вскоре политик опять взял верх над писателем, и Прокопий через 16 лет после «Тайной истории» создал последний труд — «Трактат о постройках Юстиниана»¹⁴, прославляющий в неумеренно хвалебных тонах строительную деятельность этого императора.

Своим панегириком Прокопий, видимо, настолько угодил деспотическому правителю, что, возможно, именно за этот трактат был назначен на высокий пост префекта города, получил титул *illustris*, и позднейшие писатели называют его патриkiem¹⁵.

¹¹ *Procop. Caesariens. Op. cit.* (De bello Persico — далее: *Proc. B. P.*; De bello Vandalico — далее: *Proc. B. V.*; De bello Gothico — далее: *Proc. B. G.*).

¹² *Procop. Caesariens. Op. cit.*, vol. III (Historia quae dicitur arcana — далее: *Proc. II. a.*).

¹³ *J. A. Evans. The Dates of the Anecdota and the De Aedificiis of Procopius.* — «Classical philology», 64, 1969.

¹⁴ *Procop. Caesariens. Op. cit.*, vol. III, 2.

¹⁵ *G. Moravcsik. Op. cit.*, I, S. 489; III. Диль. Юстиниан и византийская цивилизация VI в. СПб., 1908, стр. VII.

События последних лет жизни и дата смерти Прокопия до сих пор остаются неизвестными. Как в его жизни, так и в творчестве была глубоко трагическая и вместе с тем бросающая тень на его нравственный облик *двойственность*. В знаменитом историке уживались как бы *два человека*, находящиеся в постоянном противоречии друг с другом.

Один из них — несколько суховатый и холодный, замкнутый в себе *чиновник*, быстро продвигающийся по служебной лестнице. Это дипломат, обладающий трезвым умом, большой сдержанностью и скрытностью, душа которого закрыта наглухо для всего внешнего мира. Он бесспорно *карьерист*, который для достижения высоких постов готов использовать свой талант, зная, как мечтает Юстиниан о своем придворном историке, воспевающем его деяния. Карабкаясь к вершинам власти, Прокопий как опору использует свои официальные исторические труды. Всю эрудицию и жизненный опыт он отдает на службу императору, иногда даже пресмыкаясь перед ним и его любимцами. Он не боялся чрезмерностью похвал оттолкнуть упоенного властью императора, и его расчет оказался правильным, ибо, приписав в этом плоском панегирике всю строительную деятельность в империи исключительно Юстиниану, Прокопий добился его милостей.

В «Истории войн Юстиниана» Прокопий также всячески подчеркивает свою лояльность. Но внимательное изучение сочинения показывает, что здесь сквозь завесу официозного повествования уже начинает пробиваться пока еще робкая критика существующего строя. Подсудно, приглушенно начинает звучать голос второго человека, который живет в Прокопии. Прокопий позволяет себе, хотя и в завуалированной форме, отметить недостатки правления Юстиниана. Однако, чтобы обезопасить себя от допосов правительственных шпионов, он перемежает похвалу Юстиниану и его полководцу Велисарии с отдельными оппозиционными замечаниями, которые в целях маскировки вкладывает в уста явных внешних врагов императора¹⁶.

Однако и в этом труде осторожный карьерист и политик еще берет верх над критически мыслящим ученым, который таится в Прокопии рядом с придворным льстецом. Прокопий — ученый, страстный обличитель юстиниановского режима, испытывающий самой непримиримой ненавистью к императору Юстиниану и императрице Феодоре, а также к их клевретам, трепеща за свою жизнь, в обстановке кровавого террора и самого гнусного шпионажа, таясь даже от самых близких людей, пишет тайную хронику правления Юстиниана¹⁷. В предисловии к этому необычному произведению Прокопий сам объясняет задачи труда и причины его создания. Цель историка — возвышенна: сохранить для будущих поколений истину и научить потомков делать добро и избегать зла. Написать обличительный труд историка подвигло желание, чтобы тираны будущих времен опасались отмщения за свои преступления, имея перед гла-

¹⁶ Примеров замаскированной критики в «Истории войн» довольно много. Наиболее яркий из них — жалобы армянских послов на Юстиниана в речи, обращенной к персидскому шаху Хосрову I (*Proc. V. P.*, II, 3; ср. 1, 2; *V. G.*, IV, 15, 13—18). Прокопий осуждает Юстиниана за промахи в ведении войны в Италии, за увлечение бесплодными догматическими спорами, отвлекавшими его от государственных дел (*Proc. V. G.*, III, 32, 10). Порой Прокопий не скрывает сочувствия к врагам императора. Так, он всячески оправдывает Ипатия, одного из руководителей сенаторской оппозиции во время восстания Пика (*Proc. V. P.*, I, 24, 17—58); рассказывая о заговоре Артабана, Арсака и Германа, он проявляет симпатию к Герману и особенно к Марцеллу (*Proc. V. G.*, III, 31—32).

¹⁷ Прокопий говорит, что он не мог писать правдивую историю, пока были еще живы вершители всех этих дел. «Ведь сделать это незаметно при том множестве шпионов, какое тогда было, для меня не представлялось возможным, а уличенный, я неизбежно должен был погибнуть самой жалкой смертью: ведь в этом случае я не мог полагаться даже на самых близких своих родных» (*Proc. H. a.*, I, 2).

зами Юстиниана и Феодору, которые понесли возмездие за позорные поступки и образ жизни¹⁸. Для тех же, кто в будущем подвергнется насилиям тиранов, будет утешением сознание, что не они одни подвергались подобным бедствиям¹⁹.

Сколь ни возвышенна цель писателя, надо признать, однако, что средства ее достижения довольно сомнительны. Ведь Прокопий в своих официальных трудах восхваляет существующий режим, а в «Тайной истории» обрушивает на правителей ушаты грязи, вскрывая не только действительные преступления, но и приписывая им порою столь немислимые пороки, которые могут быть лишь плодом неукротимой фантазии, питаемой глубокой ненавистью.

Справедливо отмечалось, что «Тайная история» — не историческое сочинение в собственном смысле, а скорее политический памфлет, написанный желчью, а не чернилами²⁰. В непримиримой злобе к Юстиниану Прокопий теряет рассудительность, забывает о необходимости для историка строгой проверки фактов. Он неразборчиво собирает все, что может скомпрометировать Юстиниана и Феодору. «Тайная история» полна самых нелепых, подчас несправедливых нападок на Юстиниана, который изображается неким демоном, явившимся на погибель жителям империи²¹. Чего стоит, например, рассказ Прокопия о том, что демон-Юстиниан бродит по почам без головы по покоям императорского дворца, пугая почную стражу²². В нападках на Юстиниана Прокопий теряет чувство меры. Его легковерию нет границ, если дело касается злобных рассказов о Юстиниане и Феодоре.

В «Тайной истории» Прокопий приписывает Юстиниану все пороки, терзавшие империю, все дурные деяния с такой же горячностью, с какой в «Трактате о постройках» провозглашает его источником всех полезных начинаний в государстве.

Он с радостью и злорадством смакует самые грязные сплетни, рассказываемые на улицах и базарах Константинополя о правящей чете²³ или о Велисарии и его жене Аптонине²⁴.

Даже хорошие поступки Юстиниана в «Тайной истории» истолковываются в дурном свете. Рассказ Прокопия при этом эмоционален и гиперболчен, в то время как в «Истории войн Юстиниана» его повествование течет спокойно, внешне бесстрастно и холодно, порою даже сухо.

Но вместе с тем именно эта страстная партийность Прокопия помогла ему, хотя бы в своем тайном труде, разоблачить тиранию Юстиниана, деспотизм и жестокость его правления. «Тайная история» Прокопия обличает растленные нравы византийского двора VI в. с меньшей силой, чем «История 12 цезарей» Светония разоблачала разложение Римской империи.

Именно благодаря оппозиционным настроениям Прокопия, политической тенденциозности «Тайной истории» мы располагаем единственными в своем роде сведениями о тяжелом положении народных масс при Юстиниане. Историк с радостью обнажает язвы, разъедающие византийское общество, пороки администрации²⁵, безмерную тяжесть налогов²⁶ —

¹⁸ *Proc. N. a.*, I, 8.

¹⁹ *Ibid.*, I, 10.

²⁰ *Ш. Диль.* Указ. соч., стр. XI.

²¹ *Proc. N. a.*, XII, 14; XVIII, 1.

²² *Ibid.*, XII, 18—28.

²³ О Юстиниане (*Proc. N. a.*, VI, 19—27; VIII, 11—33; XIII, 1—33); о Феодоре (*Proc. N. a.*, X, 1—22; XV, 1—39; XVI, 1—28; LX, 1—54).

²⁴ *Proc. N. a.*, I, 11—42; II, 1—37; III, 1—31; IV, 13—45; V, 1—27.

²⁵ *Ibid.*, XX, 1—4, 7—14; XXI, 1—12; XXIV, 1—7; о продажности суда см. *Proc. N. a.*, VII, 31—32; XIII, 20; XIV, 6—22; XV, 21—22.

²⁶ Прокопий рассказывает о таких тяжелых поборах, как принудительная скупка хлеба — сиона (*Proc. N. a.*, XXII, 14—22; XXIII, 11—14), диаграф (*ibid.*, XXIII, 9);

словом, все, что скрывалось в его официальных трудах и в сочинениях его товарищей по перу.

В «Тайпой истории» Прокопий показывает скрытые пружины многих злодеяний Юстиниана и Феодоры; не жалея черных красок, он рисует политическую атмосферу императорского двора, где борьба за власть, низкая клевета и интриги зачастую были двигателями важных политических событий²⁷. Картина разложения дополняется обрисовкой недовольства различных слоев общества, интересы которых ущемлялись правительством²⁸. Это в свою очередь проливает дополнительный свет на характер и причины многих сложных социальных и религиозных движений в империи²⁹.

В этом особая ценность «Тайпой истории» как исторического источника, хотя нельзя забывать, что она крайне тенденциозна и требует строгой проверки.

Ученые давно спорят о том, в чем причина оппозиционных настроений Прокопия, породивших «Тайпую историю». Уже опровергнуты чисто субъективистские оценки Прокопия, сводящие его оппозиционность к личным качествам писателя, хотя, конечно, совершенно игнорировать внутренние, психологические причины раздвоенности Прокопия также нельзя³⁰. Уже были намечены пути определения социально-политической направленности трудов Прокопия; отмечалось, что его враждебность к Юстиниану отражала настроения старой сенаторской аристократии, идеологом которой он являлся³¹.

Но, думается, следует сделать еще шаг в разрешении этой проблемы: надо рассмотреть мировоззрение Прокопия в целом, проследить его социально-политические, философские, этические, религиозные взгляды и представления.

Причиной оппозиционных настроений Прокопия, естественно, были не только личные, нравственные качества, не только личная ненависть к правительству, прорастающая, быть может, от каких-то обид, причиненных ему при дворе³². Эта оппозиционность имела более глубокие корни. Его раздвоенность была порождена самой жизнью, сложнейшей идейно-политической борьбой внутри господствующего класса империи VI в.

Для мировоззрения Прокопия характерно, что он нападает на правительство Юстиниана справа, с позиций консервативных кругов старой сенаторской аристократии. Оппозиционность Прокопия лишена черт демократизма, свободомыслия, стремления критиковать правительство с точки зрения интересов широких социальных слоев населения. Это была оппозиционность узкого круга недовольных аристократов и высших государственных чиновников, фрондирующих против неугодного им императора. Но фрондирующая группировка знати стремилась изобразить себя

архикон (*ibid.*, XXI, 2—4); эпиболо (*ibid.*, XXIII, 9) и др. Система монополий (*Proc.* Н. а., XX, 5—6; XXV, 13; XXVI, 19); увеличение таможенных сборов (*ibid.*, XXV, 5—7); порча монеты (*ibid.*, XXV, 11—13); злоупотребления сборщиков податей (*ibid.*, XXV, 20—21) вели к росту цен, особенно на хлеб (*ibid.*, XXV, 10), и к обнищанию народных масс.

²⁷ *Proc.* Н. а., XV, 1—39; XVI, 1—28; XVII, 1—45.

²⁸ О притеснении торгово-ремесленных кругов (*Proc.* Н. а., XXV, 1—26); о несправедливостях Юстиниана в отношении воинов (*ibid.*, XXIV, 1—31); о преследовании интеллигенции (*ibid.*, XXVI, 1—7).

²⁹ О движении римов см. *Proc.* Н. а., VII, 1—41; XVIII, 32—35; XXIX, 27—38. О гонениях против еретиков и народных восстаниях на этой почве см. *ibid.*, XI, 13—32.

³⁰ *F. Dahn. Procopius von Cäsarea. Berlin, 1865; N. Jorga. Medaillons d'histoire byzantine, I. Procop. — Byz., 2, 1925, p. 237—241.*

³¹ *В. А. Панченко. Указ. соч., З. В. Удальцова. Вступит. статья к кн.: Прокопий из Кесарии. Война с готами, стр. 14—18.*

³² *Ш. Диль. Указ. соч., стр. XI.*

защитником интересов всего общества и всех подданных империи, угнетаемых Юстинианом.

В своей историко-политической концепции всемирной истории Прокопий — непримиримый противник каких-либо социальных переворотов и защитник всякой законной *монархической власти*. Он фрондирует именно против дашного «дурного» правительства, против *тирании* Юстиниана, а не против императорской власти вообще. Он выдвигает определенные требования к «мудрому правителю» государства, восхваляя предшественников «выскачек» Юстина и Юстиниана, *законных* правителей империи: Феодосия — за справедливость и воинские доблести ³³, Аркадия — за то, что он советовался с «разумными людьми, обыкновенно заседающими в советах царских» ³⁴, и, наконец, Анастасия — за бережливость, предусмотрительность, снятие недоимок ³⁵.

В недовольстве правлением Юстиниана немалую роль играли *династические интересы* той части аристократии, которая хотела вновь посадить на престол наследников законной династии Анастасия. Прокопий явно на стороне этих заговорщиков. Это проявляется в описании восстания Пика. Если восстание народа («бунт черни») вызывает страх и ненависть историка, то династические планы знатных участников восстания — сенаторов, наоборот, встречают сочувствие Прокопия. Он всячески стремится обелить племянника Анастасия Ипатия, отделить его от восставшего народа, подчеркнуть, что он был невинной жертвой Юстиниана. Прокопий поддерживает маловероятную версию, что Ипатий якобы сам не стремился занять императорский престол, а был насильно коронован восставшим народом ³⁶. Прокопий в «Тайной истории» не скрывает своих симпатий к подвергшимся гонениям сенаторам, участвовавшим в восстании Пика. Он осуждает Юстиниана и Феодору за конфискацию имущества знатных заговорщиков. В этом рассказе можно даже уловить намек на личную близость Прокопия к сенаторским кругам, подвергшимся репрессиям. Заканчивая рассказ о преследовании сенаторов, Прокопий пишет: «Поэтому в моих глазах и глазах многих моих (διό δι' ἐμοῦ καὶ τοῖς πολλοῖς ἑμέω) они [Юстиниан и Феодора] казались вовсе не людьми, а какими-то демонами, чумой и гибелью страны» ³⁷.

Кроме того, резко нападая на борьбу цирковых партий венетов и прасинов, особенно на бесчинства стасиотов партии венетов, пользующейся покровительством Юстиниана, Прокопий хвалит поведение умеренной части этой партии во время восстания. Сенатор Ориген и вожди венетов были против наступательной тактики в восстании и, испугавшись народного движения, фактически предали восставшую «чернь» ³⁸. Благодаря такому поведению, с точки зрения Прокопия, они в крайних обстоятельствах «оказались самыми умеренными и благоразумными из всех людей» ³⁹.

Краеугольным камнем идеального государства Прокопий считает соблюдение законов и повиновение властям. Для идеального царства необходима крепкая, устойчивая, законная власть и особенно опасна *тирания*. При Юстиниане же «ни закон, ни установления не имели силы и не оставались неприкосновенными; везде царил беспорядок, везде господствовало насилие. Государственный строй был совершенно подобен *тирании*, и притом не такой, которая уже установилась и окрепла, но такой, которая меняется каждый день» ⁴⁰. Сильный и мудрый правитель, озираю-

³³ Proc. В. Р., I, 2. 1—3.

³⁴ Ibid., I, 2. 6.

³⁵ Proc. II. а., XIX, 5—7; XVIII, 7.

³⁶ Proc. В. Р., I, 24. 17—25; 31; 42—58.

³⁷ Proc. II. а., XII, 14.

³⁸ Proc. В. Р., I, 24. 26 sq.

³⁹ Proc. II. а., VIII, 3.

⁴⁰ Ibid., VII, 31.